

АРХИВ ВОРОНЦОВЫХ

Обзор И. Троцкого

Наряду с архивными материалами государственного происхождения огромное значение в исследовательской работе имеют источники, сохранившиеся в частных собраниях. Количественно всегда уступая первым, они по содержанию своему иногда представляют чрезвычайную важность, особенно в разработке истории общественной мысли, литературы и т. п., а также для освещения историко-бытовых моментов и закулисной стороны политической жизни.

Существовало в основном два пути частного накопления архивных богатств. С одной стороны, отдельные лица сохраняли свои документы, передавали их наследникам, те прибавляли к ним новые и таким путем создавались личные и фамильные архивы. В тех случаях, когда эти архивы отражали деятельность выдающихся людей, они представляли первостепенный интерес; но даже тогда, когда подобные собрания формировались в результате бережного отношения к документу людей ничем не примечательных, рядовых представителей своего класса, большое количество накопленного материала оказывалось важным историческим источником. На основании подобных фондов исследователь легко восстанавливает типовые явления, изучает быт и идеологию определенных групп. К сожалению подобные собрания дошли до нас почти исключительно только от представителей господствующих классов прошлого. Собрание и хранение архивных документов прежде всего требовало известной бытовой устойчивости и обеспеченности хотя бы в смысле помещения, не говоря уже о том, что фамильные архивы вырастали как определенное явление общественной идеологии: если хранение «старых бумажек» не вызывалось реальными интересами имущественного порядка, то они собирались в плане классового и личного самоутверждения, в назидание потомству, из соображений сословной гордости. Как дорого бы дали мы за дневники или переписку пролетариев прошлых веков, за мемуары участников крестьянских войн и движений! Но они существуют лишь в единичных документах, и о жизни угнетенных классов мы очень часто вынуждены судить по показаниям эксплуататоров. Маркс и Энгельс, чрезвычайно внимательно относившиеся ко всякого рода историческим источникам и давшие блестящие образцы их изучения, сами стимулировали появление их из рабочей среды, в противовес источникам, выражающим идеологию господствующих классов. В этом отношении чрезвычайно характерны заботы Энгельса о появлении мемуаров деятелей пролетарской партии. «...Мемуары Беккера,—писал Энгельс Эдуарду Бернштейну 9 октября 1886 г.,—были бы... новым источником для доистории (революционное движение 1827 г.—40-х гг.) и истории (от 50-х гг. и до нашего времени) нашей партии, документом, мимо которого не мог бы пройти ни один настоящий историк... Это было бы настоящее чтение для народа... Изложение всех этих событий участником их и при том единственным человеком 30-х годов, стоящим на нашей точке зрения, абсолютно необходимо; оно рисует всю эпоху 27—40-х гг. в совершенно новом свете, и если Беккер не даст его, то оно окончательно пропало. Или же эту задачу возьмут на себя люди враждебно настроенные к нам, члены народной партии и другие вульгарные демократы, а это для нас не выгодно. Это—случай, который никогда больше не представится, и я считал бы преступным упустить его»¹.

Другой вид частного накопления документов, практиковавшийся, по вполне понятным причинам, тоже представителями обеспеченных слоев,—это коллекционирование. Известны рукописные собрания отдельных аристократов и богатеев-купцов, большей частью бессистемные, сложившиеся не в результате определенных исторических интересов и источниковедческих занятий, а под влиянием неопределенного меценатства или коллекционерской спортивной погони за раритетами. Такие собиратели, как известные Дашков, коллекция которого ныне хранится в учрежде-

ниях Академии Наук СССР, или Шукин, собрание которого находится в Государственном Историческом Музее в Москве, любовно приобретали и действительно ценные рукописи, и разный исторический мусор, и подлинные картины, и Рафаэлей сухаревского происхождения, и монеты, и печати, и отжившее тряпье замоскворецких бабushек, мало пригодное даже для историко-бытовых экспозиций. Но среди множества бесполезного для познавательных целей хлама в их коллекциях встречаются и подлинные редкости, и объективно их работа все же приводила, если в дальнейшем эти коллекции не исчезали, а делались общественным достоянием, к накоплению культурных ценностей.

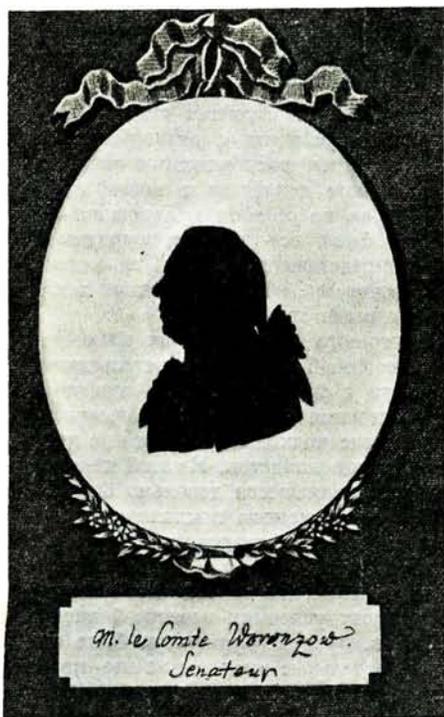
Собрания обоих родов дают ценный исторический материал. Кому из занимавшихся русской историей или историей русской литературы не приходилось пользоваться изданиями таких фамильных архивов, как Тургеневский, Остафьевский, Раевских, Мордвинова или знаменитыми «Шукинскими сборниками»? Реже встречаются собрания комбинированного типа, появившиеся в результате сочетания в одном лице и выдающегося деятеля, и коллекционера исторических документов. Чаще всего это собрания профессионалов-историков и историков литературы, редакторов журналов и т. п. Таковы например замечательные и непохожие друг на друга архивы двух братьев Семевских: редактора «Русской Старины» М. И. Семевского (хранящийся в учреждениях Академии Наук СССР) и редактора «Голоса Минувшего» В. И. Семевского (находится в библиотеке Коммунистической Академии). Но иногда исторические документы собирали любители, сами выделявшиеся не в научной, а в политической жизни, и тогда в результате получались собрания особо интересного состава.

Одному из таких собраний и посвящен настоящий очерк. Мы имеем в виду дать общий обзор одного из богатейших частных архивов по преимуществу XVIII в., архива, накопленного в известной аристократической семье Воронцовых. Размеры этого архива так велики и содержание так разнообразно, что мы поневоле ограничиваемся беглым обзорением и случайными иллюстрациями. Научное описание этого архива заняло бы вероятно несколько солидных томов.

Прежде всего несколько слов из истории самого архива и его собирателей. Воронцовы XVIII в. являлись одной из самых родовитых фамилий российского дворянства, богатейшими земельными собственниками и господами огромной массы крепостного населения. Предки их уже издавна состояли в первых рядах московского боярства; были они и воеводами, и думными людьми, ходили в «ответе», т. е. выполняли дипломатические поручения, а в период боярского управления во времена малолетства Ивана Грозного один из Воронцовых был ближайшим сподвижником фактического правителя Михаила Глинского, за что в свое время поплатился тюремным заключением. Но особенно высоко вознеслись на ступенях дворцовых лестниц Воронцовы с середины XVIII в. Возвышению этому более всех способствовал граф Михаил Ларионович Воронцов (1714—1767), во-время нашедший себе местечко сзади саней, на которых поехала в Преображенские казармы Елизавета Петровна в ту ночь, когда преобразенцы «угворили» ее захватить престол. С задка саней Воронцов умело пробрался к высшим государственным должностям, укрепив свое влияние женитьбой на двоюродной сестре императрицы. В течение ряда лет вице-канцлер, он стал после опалы А. П. Бестужева-Рюмина канцлером. Положение его несколько пошатнулось лишь после того, как он «как Миних верен оставался паденью третьего Петра». Впрочем «в крепость, в карантин» он не попал, оставался еще некоторое время канцлером и в 1763 г. вышел в отставку.

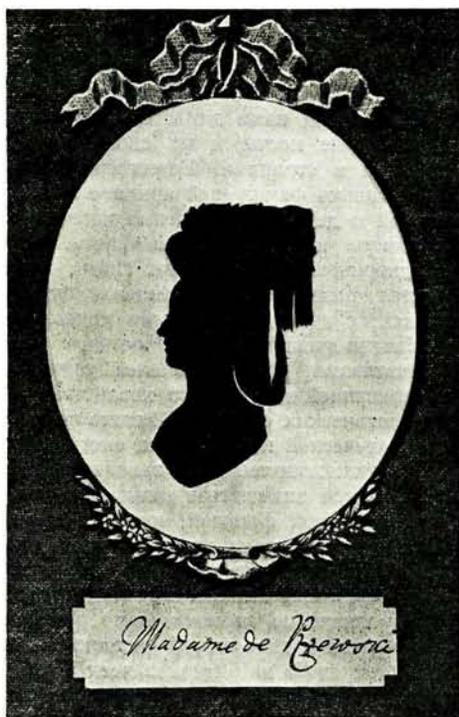
Старший брат его Роман (1707—1783) тоже достиг степеней немалых и изрядно округлил свое состояние царскими щедротами и поборами с тех местностей, где ему пришлось быть начальником. Но самостоятельной фигуры он не представляет, и силу его составляло влияние брата и детей, особенно дочерей, сделавших с точки зрения придворного отца хотя и противоположные, но равно удачные карьеры. Одна из них Елизавета, в замужестве Полянская, была фавориткой Петра III, другая же, Екатерина, известная по своей фамилии по мужу кн. Дашкова, была участницей переворота 29 июня 1762 г., подругой Екатерины, впоследствии президентом Академии Наук и т. д. В первую шеренгу вельмож конца XVIII в. вышли и сыновья Р. П. Воронцова, графы Александр и Семен Романовичи.

А. Р. Воронцов (1741—1805) начал свою карьеру дипломатом, в период фавора сестры, когда двадцатилетним молодым человеком уже состоял сначала поверенным в делах в Вене, а затем полномочным министром в Лондоне. Позже он был сенатором и довольно долгое время президентом Коммерц-коллегии. Однако отношения его со двором всегда оставались довольно натянутыми, а после Радищевской истории, когда его, по дружбе с автором «Путешествия из Петербурга в Москву», заподо-

А. П. ВОРОНЦОВ

Силуэт работы F. G. Sideau
Историко-археографический Институт
Академии Наук СССР, Ленинград

Г. И. РЖЕВСКАЯ

Силуэт работы F. G. Sideau
Историко-археографический Институт
Академии Наук СССР, Ленинград

зрили в соучастии (подробнее см. в настоящем томе статью «Из истории сибирской ссылки Радищева», стр. 441 сл.), положение его и вовсе пошатнулось, и он был вынужден сначала отойти от дел, а в 1794 г. окончательно выйти в отставку. К практической государственной деятельности он был призван лишь Александром I, назначившим его в 1802 г. на тот же пост, что некогда занимал его дядя,—пост государственного канцлера, в какой-то должности он и пробыл до окончательного выхода в отставку в 1804 г. Враждебно относившийся к Французской революции, Воронцов на посту канцлера работал по образованию новой антифранцузской коалиции, готовящая бесславно для российской империи войну 1805—1807 гг.

Ту же позицию, обусловленную как политическими, так и экономическими интересами русских крепостников, занимал и его брат С. П. Воронцов (1744—1832), дипломат большого европейского масштаба, двадцать лет бесценно проведший послом в Англии—с 1785 до 1806 г. Последовательный сторонник союза России с Англией, Семен Воронцов был одной из центральных фигур лагеря контрреволюции, принимая участие во всяческих антифранцузских дипломатических комбинациях. Впрочем по отношению к собственному двору он, как и его брат, являлся фигурой самостоятельной, резко подчас выступая против петербургской политики, протестовал против разделов Польши, разошелся с фаворитом Зубовым и т. п. По быту своему он сильно отличался от обычного российского боярина, являясь скорее инглизированным европейским вельможею. В Англии он остался по выходе в отставку, там и умер.

Чтобы закончить перечисление членов семьи, деятельность которых отложилась в интересующем нас архиве, нужно упомянуть еще сына С. П. Воронцова Михаила Семеновича (1782—1856), известного военного деятеля и царского сатрапа первой половины XIX в., бывшего в 1815—1818 гг. командиром русского оккупационного корпуса во Франции, в 1823 г. назначенного новороссийским генерал-губернатором и бессарабским наместником, а с 1844 г. кавказским наместником, того самого, которого Пушкин, имевший основания не любить его, язвительно уколол четверостишием:

Полу-милорд, полу-купец,
 Полу-мудрец, полу-невежда,
 Полу-подлец, но есть надежда,
 Что будет полный наконец.

Итак перед нами династия аристократов-крепостников, занимавших видные государственные посты и по своей деятельности соприкасавшихся с разнообразными кругами и странами. Естественно, что если бы в нашем распоряжении оказался один только фамильный архив с материалами вотчинного хозяйства и личной перепиской и деловыми бумагами названных лиц, то и сам по себе он представлял бы огромную историческую ценность. Но Воронцовы были все-таки не заурядными придворными куртизанками. Почти все помянутые представители семьи, за исключением разве Р. Л. Воронцова, оказываются передовыми представителями своего класса, с довольно широким кругозором и культурными интересами.

Начало разложения крепостного хозяйства, связанного с появлением элементов капитализма, ростом внешней торговли и обусловленной этими обстоятельствами товаризацией дворянского хозяйства, явилось вместе с тем и периодом известных идеологических сдвигов. Именно на этой основе рождаются настроения в пользу аристократической конституции, охотно питавшиеся внешне подходящими, хотя по духу очень далекими теориями западноевропейских конституционалистов. На этой же почве развивается знаменитое вольтерьянство, по существу являвшееся довольно безобидной словесной фрондой, ни мало не препятствовавшей русским поклонникам фернейского патриарха заводить крепостные гаремы и интенсифицировать барщинный труд. На этой же почве, на которой прорастали первые семена промышленного капитализма, возникает идеология национализма, в законченном виде по существу буржуазная, но первоначально развиваемая в русских условиях известной частью дворянства и дворянской интеллигенции. В XVIII в. русская буржуазия была еще слишком слаба для идеологической работы, и лишь отдельные выходцы из нее могли помогать передовым представителям господствующего класса, идеологически реагировавшим на новые явления общественной жизни.

Одним из составных элементов национализма является интерес к старине, к «отечественной истории». Именно во второй половине XVIII в. появляются первые дворянские историки (если не считать Татищева, бывшего, собственно, и первым историком, и последним летописным сводчиком; к тому же и работа его увидела свет только в это время), пробуждается интерес к документу и начинается работа собирателей и археографов. В это время появляются первые издания актов и летописей (большую работу в этом плане произвел Новиков в своей «Русской исторической вивлиофике»), извлекаются на свет былинные сказания (знаменитый сборник Кириши Данилова), обретается рукопись «Слова о полку Игореве», появляются первые историко-краеведческие труды. Правда, методологические приемы исследователей донельзя наивны, а классовые тенденции ничем не завуалированы, так что немецкий ученый Август Шлецер, применивший приемы критического анализа к русским материалам, кажется среди своих российских современников Гулливером среди лилипутов, а Радищев довольно иронически рекомендует своим читателям обращаться за разрешением исторических вопросов к «толкователям древностей»; но работа в этом направлении начинается именно в данный период. И конечно ни курский купец Голиков, фанатически собиравший документы для биографии Петра Великого, ни архангелогородский Крестинин, с меньшей ревностью сочинявший историю родного города, не могли обойтись без поддержки просвещенных меценатов; последних же выделяла уже разумеется аристократия.

Можно наметить даже тип мецената-покровителя художеств и наук, особенно наук исторических. В этом отношении любопытно сопоставить братьев Воронцовых, особенно Александра Романовича, с их приятелем и корреспондентом гр. Н. П. Румянцевым. А. Р. Воронцов был несколько старше, но карьеры их и направление довольно сходны. Оба были дипломатами и государственными канцлерами; оба стояли во главе учреждений, ведавших дела торговли (Н. П. Румянцев был министром коммерции) и непосредственно сталкивались с новыми явлениями в хозяйственной жизни России, знаменовавшими кризис феодально-крепостнических отношений; оба были просвещенными меценатами, и если Румянцев покровительствовал профессионалам-археографам Калайдовичу и Строеву, то Воронцов поддерживал историков-самоучек Голикова и Крестинина. Тип вельможи-мецената, воспринимающего западную культуру не только в силу очередной придворной моды, но под влиянием практической государственной деятельности, представлен достаточно ярко у обоих; и обим же свойственен известный «национализм» и в политической деятельности, и в исторических интересах.

Собственно говоря, основной фонд архива Воронцовых связан с деятельностью А. Р. Воронцова. Правда, как мы увидим ниже, немалое количество документов связано с именем его дяди, канцлера М. Л. Воронцова. Но нам легко будет убедиться, что в массе своей это документы, отложившиеся непосредственно в результате его служебных дел и отношений. Хотя М. Л. Воронцов тоже был по своему времени «просвещенным» вельможею и в дипломатической переписке с Н. И. Паниным обменивался впечатлениями по поводу новых од Ломоносова, а самому Ломоносову оказывал покровительство, но данных об его исторических вкусах у нас нет. Правда, он повидимому уже испытывал некоторое уважение к документам. Об этом свидетельствует его письмо к статскому советнику Топильскому от 1 июня 1753 г., в котором он, по ознакомлении с бумагами Петра I, отдает распоряжение, «чтоб находящиеся по разным столбцам, корреспонденциям и связкам дела, иные подписанные, иные писанные все, иные же черные рукою выше помянутого его императорского величества, как то грамоты, имянные указы, письма к министрам, резолюции, писанные собственноручно на докладах, разные приказы, образом записок концепты грамот, рескриптов и прочее, выправленные собственною его величества рукою, все, как драгоценное сокровище, в одно место собрать, переплесть и хранить должно, а в тех местах, откуда оные вынуты будут, оставить точные копии, каждую за подписанием секретарским с таким притом означением, что подлинные собраны и хранятся в особливой книге»². Пиэтет к особе Петра I по тем временам еще не имел исторического характера, но заботливость, хотя бы и обусловленная практическими соображениями, о неразрознении фонда свидетельствует о внимательном отношении к сохранности архивов. Возможно, что некоторые старые рукописи, имеющиеся в Воронцовском архиве, собраны и М. Л. Воронцовым, но все же основным собирателем его явился А. Р. Воронцов, о розысках которого у нас сохранились документальные данные.

По высокому своему служебному положению он имел широкий доступ к государственным архивам, ценившимся в те времена не очень высоко. Распоряжения Воронцова было конечно достаточно, чтобы любой документ был отправлен к нему на дом, и вероятно чиновники смотрели сквозь пальцы, если государственный канцлер возвращал взятое не вполне исправно. Помимо того Воронцов заказывал для себя копии самых разнообразных архивных памятников, и для послушных писцов исполнение желаний просвещенного сановника было государственной службой.

Впрочем у Воронцова много было и других источников для приобретения рукописей. И просители, знавшие о слабости своего патрона к старому бумажному хламу, угождали ему соответствующими подношениями, и сам он зорко следил за всякой возможностью приобретения документов. В этом отношении любопытное письмо Д. П. Трошинского Воронцову, написанное после смерти секретаря Екатерины, автора знаменитого дневника, А. В. Храповицкого. По весьма правдоподобному предположению П. Бартенева, Воронцов знал о существовании дневника и попытался заполучить его. Розыски Трошинского оказались однако малоэффективными. «Из числа поступивших от братьев покойного Храповицкого бумаг,—пишет он,—назначенные вашим сиятельством три номера при сем препроводить честь имею. Из шести связок я приказал списать оглавления и доставлю их к вашему сиятельству, дабы изволили выбрать, какие вам прислать, ибо сомневаюсь, чтобы на все простерлось любопытство по ничтожности оных; да и вообще можно сказать, что сие приобретение совсем неважное и что я ожидал гораздо интереснейших бумаг, зная склонность, охоту и способности покойного в собрании оных»³.

Розыски документов производились Воронцовым и за пределами России. В архиве сохранилось немало иностранных рукописей; существует и письмо Воронцова во Францию, писанное повидимому в первые годы Французской революции. Любопытна мотивировка письма: «По нынешнему образу правления во Франции уповать надобно, что многие дела и бумаги, кои до сего сокрыты были с некоторым старанием, смогут сделаться известными, а потому самому их и достать можно или по крайней мере копии с оных как из архивов тамошних, так и от частных людей, коим иногда таковые бумаги или дела по наследству доходили»⁴.

На закупку рукописей во Франции Воронцов ассигновал изрядную сумму в 2400 ливров, прося разыскать преимущественно материал французских послов и агентов в России. Момент был выбран повидимому верный, так как ряд документов, интересовавших Воронцова, оказался в его собрании.

Меньше данных этого рода у нас о С. Р. Воронцове. Правда, и он интересовался историческими вопросами, но прямых указаний на собирательство мы для него не имеем. Когда Н. П. Румянцев с разрешения английского правительства снимал копии с дипломатической переписки Англии с Московским государством, один экземп-

пляр был сделан для С. Р. Воронцова. Но возможно, что документы эти интересовали Воронцова практически как посла в Лондоне; возможно также, что копия снималась для пополнения коллекции брата. Во всяком случае мы можем предположить, что хранящиеся в Воронцовском архиве немногочисленные английские рукописи были собраны именно С. Р. Воронцовым.

Бумаги Воронцовых XVIII в. в XIX в. достались в наследство М. С. Воронцову. Последний повидимому с меньшим интересом относился к пополнению архива, хотя тоже числился по штату просвещенных сановников и покровительствовал наукам, в частности способствовал развитию Одесского общества истории и древностей. Собственные свои бумаги он хранил без особого внимания, что явствует хотя бы из сравнительно малого количества имеющихся в архиве его писем. Но и при нем коллекция пополнялась; так несомненно, что именно им включены в общее собрание рукописи на языках кавказских народов. Бумагами М. С. Воронцова по существу кончается Воронцовский архив, позднейшие владельцы которого почти ничего к нему не прибавили.

Публикация документов Воронцовского собрания началась очень давно, еще при жизни М. С. Воронцова, когда архив находился в Одессе. Так еще в «Одесском Вестнике» за 1837 г. была издана «Записка о том, сколько я помяую о крымских и турецких походах», принадлежащая перу современника (позднее перепечатана в «Русском Архиве» за 1873 г., кн. I). В 1846 г. в Одессе же появились извлеченные из Воронцовского архива письма цесаревича Алексея Петровича к Петру I, Екатерине I и кабинет-секретарю Макарову. В 1847 г. был издан найденный в одном из рукописных сборников архива замечательный памятник русского феодализма— дошедшая в единственном списке «Псковская Судная грамота». В дальнейшем целый ряд публикаций появился отдельно (напр. «История о казаках запорожских, как оные издревле зачалися и откуда свое происхождение имеют и в каком состоянии ныне находятся») и в различных томах «Записок Одесского общества истории и древностей» (ордера Потемкина по управлению Новороссией и Таврической областью, Устав для генуэзских колоний в Черном море, составленное для А. Р. Воронцова А. Малиновским «Историческое и дипломатическое собрание дел, происходивших между российскими великими князьями и бывшими в Крыму татарскими царями с 1462—1533 гг.» и др.).

Однако широкая публикация Воронцовских материалов началась лишь во второй половине XIX в., когда наследник М. С. Воронцова, С. М. Воронцов привлек П. И. Бартеневу для издания монументального «Архива князя Воронцова». К этому времени архив повидимому покинул Одессу и переехал в Петербург, в принадлежавший Воронцовым дом по Моховой улице. Богатая библиотека Воронцовых, хранившаяся в одесском доме, впоследствии поступила в Новороссийский университет и поныне является одной из составных частей Одесской публичной библиотеки, представляя особую ценность богатым собранием различных, особенно эмигрантских, памфлетов эпохи Великой французской революции (другая библиотека, хранившаяся в Алупкинском имении Воронцовых, осталась там и ныне, если не ошибаемся, является достоянием Алупчинского музея). Однако какая-то группа старинных рукописей, числившихся должно быть не в архиве, а в библиотеке, перешла вместе с книгами в Одесский университет.

Дальнейшая судьба Воронцовского архива была такова: в 1882 г. С. М. Воронцов умер и архив вместе с другими майоратными наследиями перешел к его племяннику гр. П. А. Шувалову, от которого затем достался кня. Е. А. Воронцовой-Дашковой. Территориальных перемещений архива в дальнейшем больше не происходило вплоть до первых лет революции, когда архив был оставлен владельцами на произвол судьбы и перевезен в Рукописное отделение библиотеки Академии Наук СССР, где и находился целиком до 1930 г. В этом году произошла реорганизация Рукописного отделения, и там остались из Воронцовского собрания только старинные (до XVIII в.) рукописи и некоторые другие, имеющие отношение к истории литературы. Вся же масса переплетов Воронцовского собрания перешла в Историко-Археографический Институт Академии Наук, где ныне и находится. По некоторым сведениям часть материалов, неописанных и не вполне разобранных и повидимому позднейшего происхождения, была передана в Центрархив. Эти материалы находятся вне поля нашего зрения и соответственно не будут фигурировать в настоящем обзоре⁵.

Итак, широкая публикация Воронцовского архива началась в 1870 г. выходом в свет 1-й книги «Архива князя Воронцова», подготовленной к печати редактором «Русского Архива» П. И. Бартевым. Издание это продолжалось до 1895 г. и составило сорок довольно объемистых томов. Нам неизвестны причины прекращения издания—пожалели ли владельцы архива денег, затрачиваемых на него, или же

решили, что наиболее интересные (разумеется с их точки зрения) документы опубликованы и продолжать «Архив» незачем. Во всяком случае в 1897 г. вышла в свет «Роспись сорока книгам архива князя Воронцова»—факт, с несомненностью свидетельствующий, что издание бесповоротно окончено.

В рамках настоящего обзора представляется целесообразным знакомить читателя с содержанием вышедших томов «Архива князя Воронцова». Роспись материалов (без указателя) занимает 63 печатных страницы, между тем как опубликованная часть составляет лишь небольшую долю всего обозреваемого нами собрания. Это обстоятельство вместе с тем послужит извинением в неизбежной беглости настоящего обзора.

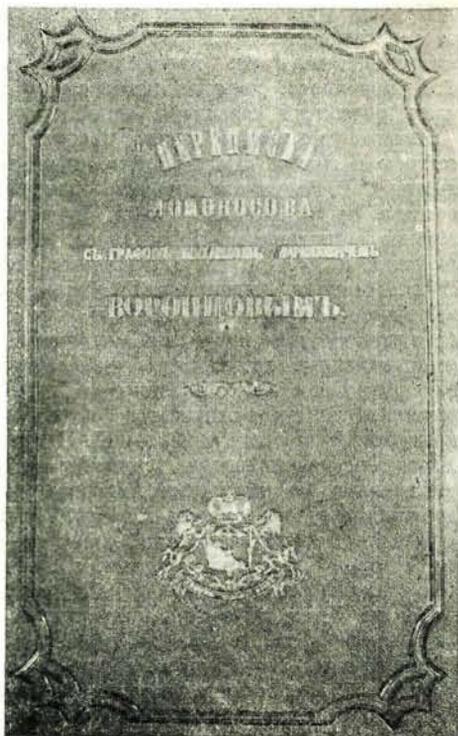
Стоит сказать только несколько слов о методах отбора материалов у П. И. Бартенева. Реакционер в духе квасного патриотизма, поклонник «героев» XVIII в., он интересовался в первую очередь лицами и притом такими, каких он считал «достопамятными». Поэтому основное содержание его издания—переписка. В этом смысле он был достаточно опытным и прилежным археографом, чтобы извлечь из собрания наиболее интересные с его точки зрения документы. Таким образом переписка различных коронованных особ, а также и крупных деятелей была им опубликована довольно полно, особенно в части придворных интриг, высказываний о людях, литературных мнений и т. п. Гораздо меньше внимания уделил Бартенев письмам делового содержания, дававшим экономические и бытовые данные. И уже совсем мало места (по сравнению с находившимся в его распоряжении фондом) отвел он публикациям не эпистолярного характера. В этом плане показательно его отношение к Радищевским документам: напечатав сравнительно полно письма Радищева, он почти совсем пренебрег его сочинениями, которые таким образом стали доступны изучению лишь после Октябрьской революции и превращения Воронцовского архива в государственное достояние. Небрежное отношение к отдельным историческим документам выразилось и в самой систематизации собрания; по нашим наблюдениям последняя производилась под руководством Бартенева, при чем уже после отбора документов они переплетались (большинство переплетов не аутентичного происхождения). При этом рукописи повидимому просматривались кое-как, и в результате бумаги С. Р. Воронцова попадали в переплет, озаглавленный «бумаги А. Р. Воронцова», и т. п. Случайность руководила Бартеневым и при отборе материалов для публикации. Правда, в соответствии с пропорциями отдельных частей архива и собственными вкусами он наибольшее место уделил документам дипломатического порядка, но установить закономерность подбора довольно затруднительно. И совсем случайна выборка из экономических материалов, материалов по истории колониальной политики и отдельных народов царской России и т. д.

Помимо большого издания, материалы Воронцовского архива просачивались в печать небольшими количествами и порознь. Так опубликованы были в сборниках Русского исторического общества письма известного публициста XVIII в. барона Гримма к Екатерине II—частью по документам Воронцовского собрания. В Гротовском академическом издании сочинений Державина напечатаны письма Державина к А. Р. Воронцову, В. С. Попову и другие Державинские документы. Наконец ряд мелких публикаций был помещен тем же Бартеневым в «Русском Архиве» и другими издателями в «Чтениях Московского общества истории и древностей». Кроме того привлекались рукописи Воронцовского архива и при издании старинных текстов, летописей и т. д.

При всем том Воронцовское собрание хранит еще огромное количество неизданных материалов как по истории XVIII—первой половины XIX в., так и по предшествующим столетиям. Отсутствие научного описания до сих пор затрудняет пользование им, но даже беглое ознакомление даст представление о значении архива. Попытаемся в общих чертах изобразить основные разделы собрания.

Легче всего выделяется из Воронцовского собрания самостоятельный фонд материалов по собственному хозяйству Воронцовых. Здесь мы имеем довольно значительное количество переплетов и папок донесений управляющих и приказчиков, отчетов по имениям, приходо-расходных книг и т. п. В отдельности эти документы не представляют особого интереса, но в совокупности своей делают возможной постановку изучения крупного помещичьего хозяйства за ряд десятилетий. В документах находят отражение и рост имущественного благосостояния Воронцовых, и методы эксплуатации крестьян, и взаимоотношения с зажиточной верхушкой крепостного населения Воронцовских вотчин, и попытки рационализации хозяйства, и операции с казной—словом, все виды хозяйственной деятельности крупных землевладельцев XVIII—XIX вв. Правда, не по всем вотчинам материал представлен равномерно, но нужно отметить, что помимо специальных переплетов вотчинной

ПЕРЕПЛЕТ ТОМА АРХИВА ВОРОНЦОВЫХ,
ЗАКЛЮЧАЮЩЕГО ПЕРЕПИСКУ
М. В. ЛОМОНОСОВА С М. Л. ВОРОНЦОВЫМ
Историко-археографический Институт Академии
Наук СССР, Ленинград

переписки мы находим данные о хозяйстве Воронцовых и в других местах собрания, так как классификаторы не всегда умели отделить хозяйственную переписку от личной. Кроме того Воронцовы, особенно живший в Лондоне С. Р. Воронцов, часто поручали ведение своих дел местным чиновникам, и иногда в письмах какого-нибудь сенатора или губернатора попроще мы находим сведения об имениях их корреспондентов.

Наиболее богатый раздел архива—это переписка, при чем не одних только Воронцовых. В их собрании мы находим подлинники и копии переписки А. Д. Меншикова, Н. И. Панина, Г. А. Потемкина, Вольтера и других деятелей эпохи. Но конечно основной эпистолярный фонд составляет переписка самих владельцев архива, в особенности М. Л., А. Р. и С. Р. Воронцовых. Эта переписка составляет свыше ста томов, обычно содержащих переписку с разными лицами. Только несколько корреспондентов, ведших регулярную переписку с Воронцовыми в течение ряда лет, представлены самостоятельными переплетами, да и то разбор писем производился настолько неряшливо, что письма одного и того же лица (даже если для него был выделен самостоятельный переплет) встречаются в разных местах. Очень часто письма сопровождаются приложениями документов (подлинников или копий) самого разнообразного характера. Здесь и дипломатические досье, и военные реляции, и коммерческие расчеты, и статистические таблицы, и судебные дела и решения, и выписки стихов и прозы—характер приложений определяется отношениями, связывающими корреспондентов.

С точки зрения занимающих нас сейчас проблем XVIII в. сравнительно меньший интерес представляет переписка канцлера М. Л. Воронцова. Хотя среди его корреспондентов мы находим и царицу Елизавету, и Екатерину II, и иностранных принцев, и государственных деятелей, и писателей, для проблем, привлекающих сейчас интерес советских исследователей, они дают не очень много. Экономические вопросы трактуются в них редко, а дипломатическая история царствования Елизаветы Петровны хорошо освещена публикациями Русского исторического общества и в настоящий момент лежит в стороне от большой дороги исторических исследований. Тем не менее не следует недооценивать значение переписки М. Л. Воронцова. В связанных с его именем переплетах мы находим письма Бестужевых-Рюминых, Бирона, Гросса, Демидовых, Панина, Разумовских, И. И. Шувалова, писателей—А. Кантемира и М. В. Ломоносова и целого ряда других деятелей эпохи.

Но если дипломатическая переписка М. Л. Воронцова и не вызовет особого интереса современных исследователей, то значительно большего внимания заслуживает корреспонденция его племянников. Здесь особенно нужно подчеркнуть архив С. Р. Воронцова: хотя по размерам он и меньше, чем у брата, но зато большая часть переписки связана с одной и притом существенной исторической темой.

Помимо чрезвычайно содержательной переписки С. Р. Воронцова с отцом, братом, сестрою и сыном, помимо писем коронованных особ мы встречаем среди корреспондентов С. Р. Воронцова довольно разнообразные фигуры: здесь и русские сановники, военные и дипломаты (Грейг, Завадовский, Безбородко, Италинский, Кочубей, Морков, Мордвинов, Новосильцев, Орловы, Поццо-ди-Борго, Румянцевы, Чарторижский и др.), и государственные деятели Запада, в особенности английские—Питт, Каннинг, Аддингтон, Гренвиль, Гескисон и множество других, и философы, как барон Гримм, и архитекторы, как Гваренги, и живописцы, и писатели, и просто светские дамы, и русские мастера, обучающиеся за границей, и разномастные международные авантюристы типа Миранды, и т. д. Но особенно оживленную переписку вел С. Р. Воронцов в годы Великой французской революции, когда русско-английские отношения были узлом международной политики и основой контрреволюционных комбинаций. Переписка Воронцова по этим вопросам с английскими государственными деятелями, с русскими посланцами за границей, с многочисленными французскими эмигрантами вплоть до графа Прованского и графа д'Артуа (будущие короли Людовик XVIII и Карл X), наконец собственные рассуждения Воронцова по этим вопросам—все это источник первостепенной важности по истории отношений Европы к Великой французской революции, один из тех секретных дипломатических фондов, которые так ценил и умел использовать Маркс⁶.

Мы не будем приводить иллюстраций иностранной переписки С. Р. Воронцова — она многообразна, велась на нескольких языках и классифицировать ее, а следовательно и иллюстрировать, при наличии нескольких сот корреспондентов, довольно трудно. Для образчика дипломатической переписки приведем только одно письмо В. П. Кочубея, который, состоя при лондонской миссии, жил в 1791 г. некоторое время в Париже и информировал своего патрона о местных делах.

Хотя пребывание Кочубея в Париже и вызывало опасение дяди его и покровителя, гр. А. А. Безбородко, который даже писал ему: «Во Францию вы ехать не можете и не должны, ибо иначе вы подвергнете себя опасности не только не употреблену быть никогда в дело, а иногда и севестру имения», но почтительный племянник не заразился «духом разврата французского». Впрочем к готовившемуся нападению на Францию он, как и его шеф С. Р. Воронцов, относился довольно скептически. Приводимое письмо сохранилось в копии (или переводе) руки одного из секретарей Воронцова; повидимому последний выполнил желание Кочубея и предал огню автограф, криминальный конечно не по основному своему содержанию, а по тем петербургским слухам, о которых сообщал Кочубей, и по критическому настроению автора относительно предприятий Екатерины в помощь эмигрантам. Сохранившись в неподписанной копии, письмо не попало в общую массу Кочубеевских писем, отдельно переплетенных и опубликованных в XIV и XVIII томах «Архива князя Воронцова», и оказалось среди различных переплетенных рукописей, в «россыпи».

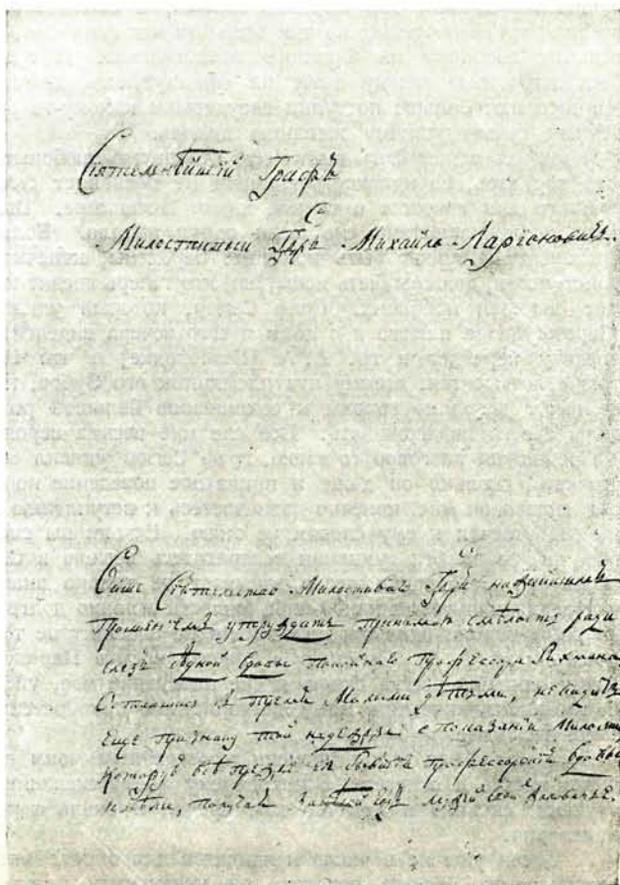
Не все сведения Кочубея одинаково достоверны, но для характеристики слухов и настроений парижских придворных кругов конца 1791 г. и для уяснения русско-французских отношений начала революции оно представляет несомненный интерес.

«Прежде всего должен я просить вас, Милостивый Государь Граф Семен Романович! о снисходительном прощении всех погрешностей, кои без сомнения в сем письме найдутся. Я сего вечера узнал только об отъезде г. Виндама члена Парламентского, которой, видясь здесь часто со мною в одном доме, обещает исправно доставить вам сие письмо. Я весьма рад сему случаю: потому что он доставляет мне удовольствие откровенно с вами говорить».

Вы конечно хорошо осведомлены о всем том, что у нас происходит с иностранными дворами. Но может быть стыдятся открывать вам разные смешные поступки наши. Хотя требование мое о рекомендательных письмах к гос. Симолину от гр. А. А. [Безбородко] осталось без действия, однакож иногда говорит со мной сей министр о делах, сохраняя большую осторожность и не показывая почти никогда донесений своих. Из речей его узнал я, что во время переговоров двора нашего с Англичикам имел он комиссию всеми мерами стараться о побуждении французам вооружить в пользу нашу довольно морскую силу, в таком случае, когда бы Англичане послали флот в Балтийское море. Для исполнения сего желания позволено было употребить неограниченную сумму денег, посредством которых имели

мы в интересах наших большую часть из депутатов, составляющих дипломатический комитет; смерть г. Мирабо, сказывают, причиною, что от 40 до 45 кораблей, естли не вооружены были, то по крайней мере не имели приказания приуготовить вооружения. По всему видно что намерение сие было с начала только известно гр. Безбородке, а по нем, конечно, гр. Ал. Ром. [Воронцову], для лучшего же поощрения негоциатора прибавили ему без всякого от него требования к обыкновенному жалованью шесть тысяч ефимков не из иностранной коллегии, но из казначейства. Дело сие ни в каком случае не могло бы иметь никакого действия при настоящем положении Франции, и мы только остались при издержках.

Вам известно, какое участие принимаем мы в делах французского дворянства. Состояние их считают у нас таковым, что оно должно непременно коснуться до других наций. Действуя на сем основании, посланник наш, как из речей его приметить я мог, имел приказание сделать из сего общее дело как с Прусским посланником так и с Шведским послом. Думают, что Принц Нассау и Бомбель веселили наиболее у нас намерения и поступки в рассуждении Принцов и прочего дворянства; я подозреваю, что Барон Грим тут же не без участия. Из разговоров его видал я преданность его к Кобланской партии. Похвалы, которые он делает великодушному государыниному поведению, заставляют меня думать, что он в сем же смысле к ней писал; а то конечно не оставит может быть еще умножить настоящую горячность. Я уверен был, и вы гадание мое подтвердили, что граф Румянцов, которой вместе с ним был в Коблансе, одинаких же мыслей. Вы знаете, что барон Грим, вояжируя в Германии, хотел видеть друга своего графа Николая Петровича в Франкфурте. Но застав его на выезде в Кобланс, он хотел остаться с ним доле и для того решил туда же вместе с ним отправиться. С самой арестации королевской г. Симолин не имеет накакого сношения с министерством. При сем за любопытное приметить можно, что до получения о сем повеления от двора, Шведской посол сказал г. Симолину, что он оное получит; что доказывает короля Шведского

ПЕРВАЯ СТРАНИЦА ПИСЬМА
 М. В. ЛОМОНОСОВА
 К М. Л. ВОРОНЦОВУ
 ОТ 30 АВГУСТА 1753 г.

Историко-археографический
 Институт Академии Наук СССР,
 Ленинград

какой-то странной кредит, который подтверждается заключением оборонительного трактату.

Вы без сомнения уведомлены, что Принцы получили от нас довольно сумму денег. Б. Грим говорит, что им перевели 500 000 рублей. Но бог весть, к чему все сие, кроме умножения собственного нашего разоренного состояния послужит? У нас имеют от сель, как мне кажется, весьма достоверные известия. А из них (если только все они в таком смысле, в каком я некоторые видел) судить должно: что партия принцов не может иметь никакого успеха. С самого начала, когда еще королева не была подлинно привязана к нынешнему правлению, было три партии между дворянством. Первая, под предводительством графа Артоа и Калона, вторая принца Конде, Кардинала и пр., третья партия была королевина, в которой главные участники были Бретель, Бомбель, Буле. Если бы королевской побег имел место, сей последний был бы наименован Министром военного Департамента, а иностранной и внутренней назначаемы были двум другим. Я думаю, что приятель наш здесь С. придерживался к сей партии. Не удивляйтесь, что я сказал выше о привязанности королевиною к нынешнему правлению; она, сказывают, думает, и конечно с основанием, что время переменит как порядок вещей в правлении, так и состояние королевской фамилии, в чем и не ошибается, ибо не понятно, сколько публика в рассуждении ее переменяла мысли и сколько хорошо она принята везде, где покажется. Сверх сего она не любит ни графа Артоа, ни Калона, а Кардинала ненавидит. Сей образ мыслей ее недавно подтвержден был следующим происшествием: которое я, так как и все, что вы в письме моем читали, имел от весьма верного источника. Некто, отъезжая недавно в Кобланс, будучи королеве весьма предан, спрашивал приказаний ее туда, уверяя притом, что как тайна сохранена, так и все исполнено будет как возможно лучше. На сие с сердцем она отвечала, что она не только не имеет никаких приказаний туда давать, но что и видеть ей гораздо приятнее тех, кои оттолъ приезжают, нежели тех, кои туда отправляются. Она с тех пор, как я уже здесь сказала, сколько великодушие государыни для принцов велико, и сколько великие качества государыни вселяют к ней почтение; но при всем том нет сомнения, чтоб она не была противна всякому военному на Францию предприятю. Я признаться должен, что люди беспристрастные между теми из французского дворянства, кои здесь остались, приписывают больше поступки государыни какому-то разуму древнего кавалерства, нежели великодушному желанию помочь.

Я мог бы может быть найти еще что писать любопытное сообщить вам, милостивый государь, но краткость времени не позволяет сего исполнить. Мы получили третьего дня известие о смерти князя Потемкина. Вы легко представить можете, сколько произшествие сие меня вдруг заняло. Большие перемены, которые то произведет и может быть полезные перемены, конечно всем русским, не имеющим пристрастия, должны быть ясны, [но] кто теперь кредит князя Потемкина будет иметь? Вот большая проблема. Граф Сегюр, который удивительным образом знает все обороты двора нашего и с коим я сего вечера виделся, думает, что большая часть кредиту перейдет к гр. А. А. [Безбородке] и что Николай Иванович Салтыков также возвысится: потому что племянник его Зубов, коего он весьма часто видал, не имеет довольно головы к сохранению большой роли, но что он будет только дядю своего поддерживать. Все сие мне весьма вероятным кажется.

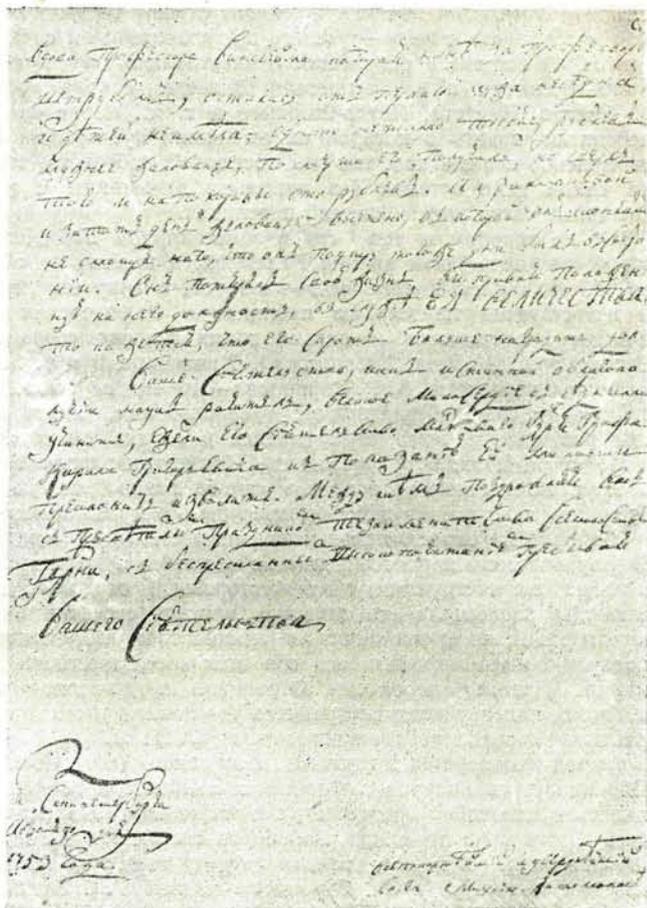
Продолжая разговор со мною, граф Сегюр удивил меня немало, дав мне почувствовать, сколько он даже и приватное поведение почетнейших наших особ знает. Вы, сказал он мне, конечно назначаетесь к вступлению в дипломатическую карьеру, на сие отвечал я ему словом не знаю. Если вы сие намерение имеете, продолжал он, то вы без сомнения возвратитесь весною в С. Петербург: ибо вы знаете, сколь гр. Безбородко легко забывает не только знакомых своих, но и родных, и что для получения какой-либо милости должно долго ему докучать. Сколько сие ни справедливо, однакож ничто меня не заставит не только возвратиться, но ниже писать к гр. А. А. Он знает о приезде моем в Париж из донесений г. Симолина, коему однакож всегда скрою я сие намерение мое, уверен будучи, что его ко мне ласки племянническим моим достоинством приобретены. Что всего для меня на свете несноснее.

Я много у вас отнял времени пространным моим писанием. Вы извините сию нескромность и отнесите ее искреннему моему желанию удостоверить вас при всех случаях, сколько я истинно вам предан и сколь высокопочитание мое к вам не лицемерно.

Г. Одион уже не в числе кандидатов для определения в министры иностранного департамента. Теперь остается сие нерешимым между Нарбоном и Бартелием,

ВТОРАЯ СТРАНИЦА ПИСЬМА
М. В. ЛОМОНОСОВА
К М. Л. ВОРОНЦОВУ
ОТ 30 АВГУСТА 1753 г.

Историко-археографический
Институт Академии Наук СССР,
Ленинград

что в Лондоне, и к коему послали, как сказывают, на сих днях куриера, дабы он уведомил найскорее, захочет ли он сие место принять.

Покорно прошу сие письмо предать огню, тот час по прочтении оного».

При чрезвычайно разнообразной массе корреспондентов С. Р. Воронцова выделяется сравнительной бедностью его переписка с соотечественниками. Помимо дипломатов, нескольких сановных друзей и людей, связанных с ним деловыми отношениями, мы здесь почти никого не находим. Совсем нет писем писателей, если не считать записки В. Л. Пушкина, знакомство которого с Воронцовым произошло вероятно во время путешествия первого в 1803—1804 гг. Приводим текст ее (в переводе с французского).

Господин Граф,

Я беру на себя смелость послать вам отрывок перевода, или скорее подражания Томпсону. Я присоединяю свой перевод знаменитой идиллии Биона и одну из моих басен, род произведений, который мне наиболее всего удается. Смею надеяться, что ваше сиятельство удостоите прочесть сии слабые опыты с должной снисходительностью и что вы соизволите принять уверения глубокого уважения, с которым я имею честь пребывать

Господин Граф

Вашего Сиятельства покорней-
шим и послушнейшим слугою

Пушкин.

14 октября
1804.

Если в переписке М. Л. и С. Р. Воронцовых преобладают дипломатические моменты, то в корреспонденции А. Р. Воронцова они представлены относительно

слабее. Хотя и он начинал и кончал службу на дипломатическом поприще, основная масса писем к нему—русского происхождения и содержания. Среди корреспондентов мы встречаем разумеется и иностранцев, зачастую с довольно громкими именами—Вольтера и его секретаря Ваньера, барона Гримма, Даламбера, Жозефа де Местра, Пиктета, Питта-Старшего и т. п., но не они определяют значение его переписки, судить о которой на основании публикации Бартенева, между прочим, совершенно невозможно, так как последний, собрав то, что ему казалось «сливками», на самом деле оставил без внимания важнейшие с исторической точки зрения составные части этой обширной переписки.

Мы не говорим о том, что в эпистолярном наследии А. Р. Воронцова имеется такое сокровище, как письма Радищева, и нимало не склонны обвинять Бартенева за то, что он их опубликовал—наоборот, в вину ему нужно поставить не полную и недостаточно тщательную публикацию Радищевских материалов. Несомненный интерес представляют и письма таких видных современников, как Безбородко, Завадовский, Морков, Трошинский, Храповицкий и т. д. Но чем особенно примечательны переплеты А. Р. Воронцова—это его перепиской с местными администраторами—генерал-губернаторами, губернаторами, директорами таможен и т. п., как раз меньше всего отразившейся в сорока томах «Архива князя Воронцова».

По своей должности президента Коммерц-коллегии Воронцов неизбежно входил в круг экономических вопросов самого разнообразного характера, а так как он стремился повидимому действительно быть в курсе этих дел, то и считался «спецом» и получал еще самостоятельные правительственные задания экономического свойства. В результате его корреспонденция с местными правителями фактически превращалась в подробные инструкции, с одной стороны, и отчеты—с другой. Широкие интересы министра заставляли его зачастую просить сведений о делах, лежавших вне его компетенции, но провинциальные администраторы, уважавшие родовитого вельможу, послушно информировали его обо всех «происшествиях», заслуживающих его внимания. Поэтому переписка Воронцова представляет чрезвычайно существенный источник для изучения внутреннего управления и экономической истории всех почти районов Российской империи конца XVIII в. Переписка эта возобновилась и в период канцлерства Воронцова, а от некоторых администраторов, лично обязанных Воронцову, он получал сообщения и находясь в отставке. Письма при этом посылались чрезвычайно подробные, с приложением статистических таблиц и даже целых дел. Этого рода переписка Воронцова составляет целый ряд переплетов. Приведем иллюстрации. В первом, взятом наудачу томе этой переписки (№ 564) мы находим «письма к графу А. Р. Воронцову князей Г. С. Волконского и П. В. Лопухина, графов Н. И. и П. И. Паниных, князей А. А. Прозоровского и Н. И. Репнина, графа З. Г. Чернышева и его супруги, 1763—1804, на 217 листах». Для наших целей лучше всего воспользоваться письмами Г. С. Волконского, отца декабриста, писавшего Воронцову в качестве оренбургского военного генерал-губернатора. Приведем небольшое, но любопытное письмо, сообщающее об усмирении уральских казаков, славившихся своим непокорством и за тридцать лет до приводимого ниже письма начавших Пугачевщину.

Милостивый государь граф Александр Романович!

Приношу вашему сиятельству чувствительную признательность за почтенное ваше от 20 ноября писание. Отзвв ваш, милостивый государь! изображенный в оном, весьма для меня лестен.

Сие пишу к вам из Уральского, куда по высочайшей воле вступил я с двумя почти полками и иррегулярными командами. По случаю нового образования уральского войска произошло в простом и необразованном здешнем народе беспокойство. Слепое пристрастие к старинным обыкновениям и суеверие были причиною упорства козаков к принятию новых установлений, ограждающих благосостояние их и утверждающих благоденствие сего края.—Уральцы известны.—К щастию приняты заблаговременно меры; и все теперь в городе спокойно. Козаки принялись за обыкновенные домашние упражнения и рыбные промыслы. Заблудшие в умах уральцы обращаются на путь правый и повинуются верховному правительству; а дерзновенные получают должное возмездие. Извещая о сем ваше сиятельство,

с отменным почтением и преданностию честь имею быть

Милостивый Государь!

Вашего сиятельства

совершенно преданной слуга

кн. Г. Волконский.

в 11 д. декабря 1804 г.
г. Уральск.

Вместе с письмами к Воронцову иногда переплетены и черновики его ответов; но, как правило, даже при наличии таковых их меньше, чем писем к нему. Например писем его к Волконскому мы находим только одно, от 29 сентября 1804 г.; зато оно чрезвычайно интересно для характеристики колониально-завоевательной политики царизма в конце XVIII—начале XIX в. Оренбургский генерал-губернатор был не только надзирателем «известных уральцев», старых яицких бунтовщиков, но и передовым застрельщиком колониальной экспансии империи на путях в Среднюю Азию.

Вот что пишет ему Воронцов:

«Министр внутренних дел сообщил мне представления ваши о укреплении линии и о заведении устройства и тишины между киргисцами, а равно и план в. с. на экспедицию в степь и Хиву. Гр. Виктор Павлович сообщил мне также и содер-

ФРОНТИСПИС И ТИТУЛЬНАЯ СТРАНИЦА РУКОПИСНОГО КОММЕРЧЕСКОГО РУКОВОДСТВА ПОД НАЗВАНИЕМ „СОВЕРШЕННЫЙ КУПЕЦ“ ИЗ АРХИВА ВОРОНЦОВЫХ

Историко-археографический Институт Академии Наук СССР, Ленинград

жание резолюции на все сии ваши представления. Все сии бумаги прочтя со вниманием, без лести сказать могу, я с большим удовольствием увидел, что все в. с. предположения основаны на пользе государства и на точных сведениях обстоятельств и положений края, вам вверенного.

Если линия так будет устроена, как вы предлагаете, тогда можно считать Оренбургской край безопасным. Я не могу также не отдать справедливости основательным рассуждениям вашим о неудобности прежде предполагаемого переноса линии на Ембу, сопряженного с страшными издержками и затруднениями.

Экспедиция, предполагаемая в степь и Хиву, на которую вы уже и разрешены, принесет конечно большую пользу как обузданием киргизцов от грабежа караванов, так и воспрещением к хивинцам, чтоб они перестали покупать у киргизцов людей, увозимых от нас. Можно сказать, что не без стыда для толь сильного государства, каково есть Россия, спокойно взирать, что хивинцы и бухарцы в неволе держат толь большое число российских подданных. Хивинцы сверх того оставались, по небрежению нашему, толь долго без наказания за варварский их поступок с корпусом Бековича. Остается мне теперь желать, чтобы подвиги в. с. были увенчаны совершенным успехом, а по дружбе и откровенности вашей ко мне считаю взаимным долгом сделать следующие два примечания.

1-е. По всем сведениям, кои я имел не только в бытность мою в Оренбурге, но и позже, число пленных наших в Хиве и Бухарии должно быть довольно значуще. Они, содержась в неволе, употребляются в садовых работах, в хлебопашестве, а некоторые в Бухарии на их фабриках. Буде сия экспедиция удастся, люди наши возвратятся, надо помышлять о поселении их и устройении их жребия. Те из них, кои, в неволе будучи, хлебопашеством занимались, могли б, кажется мне, с некоторою помощью поселены быть в тех частях края вашего, где земли хороши и удобны, а тем, кои на фабриках употребляемы были, доставить можно способы тем же ремеслом заниматься, что и способствовало бы умножению внутренней промышленности, в обоих сих случаях я разумею таких пленников, коих прежде здесь состояние таковым об них распоряжениям не препятствует.

2-е. Не сумневаясь в успехе предприятий ваших в степь и Хиву, чтобы непослушные киргизцы не были усмирены, а и Хива уstraшена в. с., однакоже сами признаете, что оно будет только на некоторое время и что сия острастка помалу станет выходить у них из памяти после того, как войска наши возвратятся в Оренбург; но дабы от сей экспедиции произошла прочность и на будущие времена, то приходит мне на мысль, нельзя ли построить, избрав удобное место, крепость на реке Ембе, которая бы держала и Хиву и киргизцов в узде. Мне помнится, при Петре великом построена была крепостца прежде экспедиций Бековича, которая по истреблении его корпуса разорена была хивинцами; но на таковое построение надобны будут морские пособия, а баталион гарнизону и несколько сот уральских казаков могли б оную крепость содержать.

В. с. меня весьма обяжете, когда сообщите мне откровенно мысли свои на сии два пункта, тем паче, что мои рассуждения по сей материи основываются может быть только на гаданиях.

Из представлений ваших видел я, что вы и о кара-калпаках упоминаете. Сей народ после правления покойного Ивана Ивановича Неплюева кажется совсем из виду был у нас потерян.

Впрочем имею честь быть с искренним почтением.

Два приведенные нами письма довольно типичны, и по ним можно составить представление, какой разнообразный материал содержит переписка А. Р. Воронцова, существенно дополняющая правительственные архивы по вопросам экономики, колониальной политики, администрации и т. п. Но не только письма, получавшиеся *ex officio*, дают этот материал. Находясь в опале и отставке и с 1793 г. живя вдали от Петербурга, Воронцов неизменно получал подробную информацию от своих друзей и протеже. Социальный состав корреспондентов этого рода довольно пестрый—здесь и видные сановники, и чинуши помельче, и выслуживающиеся семинаристы, и разных гильдий купцы, и т. п. Соответственно с положением пишущего меняются и содержание: то читаем мы новости большой политики и двора, то знакомимся с интригами в правительственных учреждениях, то попадаем в круг биржевых интересов и узнаем о сенсационных банкротствах.

Историк русской внешней торговли конца XVIII в. не должен обойти вниманием, например, переплет № 117 Воронцовского архива, содержащий письма к Воронцову его петербургского фактора—купца Алексея Девкина—за 1793—1801 гг., дающий довольно конкретное представление о пульсе Петербургского порта в эти годы.

Вот первое письмо из этого переплета:

Сиятельныйшии Граф!
Милостивый Государь!

Обременен будучи высокою милостию вашего сиятельства, не могу сими строками изъявить той чувствительнейшей благодарности, каковую благодарное и облагодетельствованное мое сердце принести долженствует с усердностью желания моего, чтоб сие письмо нашло вашего сиятельства в возжеленнейшем здравии. По от судствии вашем дальнейших новостей нет, при биржи к покупке товаров остановительные послучию сведений первого о банкротстве Варшаве банкира и за ним никоворых кантор, впоследствии сего по сведению первому что и в Амстердаме об одной канторе, а севодни говорили еще б оказавшихся остановились платежами, и будто г-н Гоп удалился в Англию, опасаяся по входу в голанские владения французских войск, и здесь на Амстердам мало начинают трасировать, говорят и придостановятся если не поддержат от опасности от неприятелей, в виду весьма охотние бы могли покупать товары. Последние продажа была: пенку за все вперид денги 22 р. на задаток 23 р. Севодни за последнюю цену часть купили, полотны также изретко требуют, сало свечное белое купили уменшительно 42, желтое 45.

Курс впоследствии 11-го числа почту был $24\frac{3}{4}$ —лондонской $25\frac{7}{8}$. У нас слава богу все благополучно, вчера принят был при дворе приезжий гость, молодец видной, имел честь и я видеть.

Если поднесенную прозбу мою по посредству вашего сиятельства московские господа мои видели ничего еще они ко мне не пишут; впрочем донесу только что без вашего сиятельства скучно и грусно нам, за первейшее счастье почитаю именовать с истинным глубокочтитанием и преданностию моею

Вашего Сиятельства

Милостивый Государь

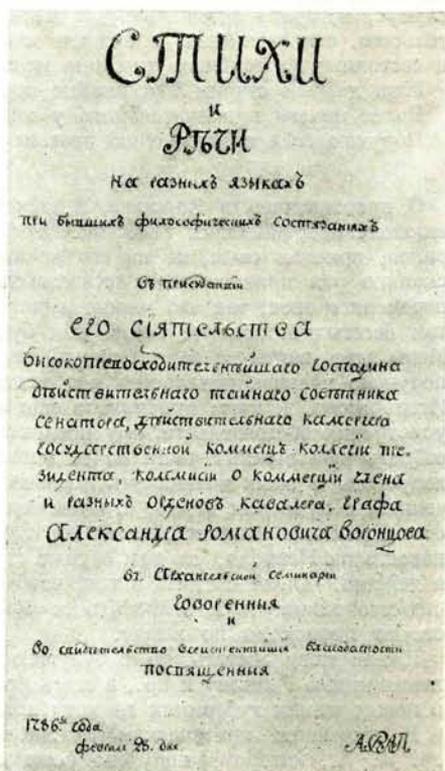
вспокорнейший и вернейший слуга

14-го марта 1793 года
Санкт-Петербург.

Алексей Девкин.

Это—письмо биржевика и поэтому о политических событиях, как например о приезде графа д'Артуа, упоминается вскользь. Но Девкин для того и нужен был Воронцову, чтобы узнавать колебания ассигнационного рубля и голландского штивера. Другие корреспонденты, как например Д. П. Трощинский, могли с большим знанием дела информировать Воронцова о политических событиях. Помимо опубликованных Бартеневым писем Трощинского есть целый переплет неизданных его писем (№ 1082), озаглавленный почему-то «Письма без подписи (конфиденциальные) — 1800 г. в царствование Павла I». Письма эти действительно без подписи и могут претендовать на название конфиденциальных, но относятся они в массе своей к екатерининскому периоду, как раз ко времени опалы Воронцова. Автор писем легко устанавливается как по почерку, так и по содержанию.

Письма эти чрезвычайно характерны для настроений правящих кругов, в частности группировки вельмож во главе с Безбородко, противостоявшей клике веселого фаворита Зубова. Переписка эта заслуживала бы полного опубликования; для примера приведем два письма—одно совпадающее по времени с письмом Девкина, другое относящееся к периоду восстания Костюшки.

ТИТУЛЬНАЯ СТРАНИЦА РУКОПИСНОЙ КНИГИ
ИЗ АРХИВА ВОРОНЦОВЫХ

Историко-археографический Институт Академии
Наук СССР, Ленинград

В С.П.бурге. апреля 14 1793.

Письмо вашего сиятельства от 31 марта я сей день имел честь получить, и из приложенных при нем таковых же одно к П. И. Новосильцову тот час доставил, а другое к Бароци пошло уже в Константинополь при первом случае.

Гость наш граф д'Артуа сего дня отъезжает отсюда. На каком основании распоряджено его отправление, ваше сиятельство изволите увидеть из копий указов, здесь приложенных. При отъезде его пожаловано ему 10 000 р., перстень с портретом, покрытым бриллиантом ценю в 30 000 р., и шпагу золотую, на которой вверху большой вставлен бриллиант, а на ефесе надпись *avec dieu pour le roi*. Сия шпага с перва положена была на гробнице Александра Невского и окроплена святою водою. Свита его также получила подарки вещми и денгами.

Дни с четыре как отправлен курьер в Лондон; но я не могу донести вашему сиятельству содержания предложений, не видевши их и сам; они были писаны Аркадием Ивановичем [Морковым].

Вчера указы даны Сенату с разными распоряжениями по губерниям во вновь приобретенных польских землях. Сии указы вышли из известного места. Сколь скоро напечатаются они, я поспешу доставить вам, милостивый государь, печатные экземпляры. По городу слух идет, будто бы уже вышло и награждение трудившимся в сих делах; но я сему не верю, ибо кажется не имея от Кречетникова ведомостей о старостах, короне принадлежащих, не из чего еще назначать раздачи. По словам публики, заимствуемым из слов людей, приближенных к той партии, жалуют Платону Алекс. [Зубову] 14 000 душ, Валериану Алек. [Зубову] 6000, Арк. Ив. Моркову 4000, Алтестию 800 и Грибовскому 600.

Я не оставлю ваше сиятельство уведомлять о переменах случающихся чинов первых по губерниям, а по сю пору только еще и определен в Нижний-Новгород в вице-губернаторы какой-то отставной полковник князь Долгоруков, женившийся на одной девице питомице Зубова и в приданое сие место получивший.

Прот-Потоцкий воевода киевский пожалован тайным советником, сенатором и кавалером ордена Св. Александра Невского.

Граф А. А. [Безбородко] располагается после праздника ехать в Москву. Хотя он не весьма привязан к своему мнению и ежечасно оно переменяет, не менее однакож смущаюсь я настоящим моим положением. Я останусь здесь как архиариус, которого потыкать будет всякой хто захочет. — Отпустите мне, ваше сиятельство, откровенность, с которою я изображаю вам горестные чувства души моей и состояние, до крайнего отчаяния меня доводящее.

Наш добрый старик Ган крайне опечален смертью жены его.

Более ничего примечательного у нас нет.

Поручаю себя продолжению драгоценной для меня милости вашей.

В С.п.бурге. Апреля 25 [1794].

О происшедшем в Варшаве, а может статься и в других местах, не имеем мы никаких подробнейших известий. Граф Николай Зубов, один из спасшихся генералов, приехал сюда, но на его показания увериться не можно, тем более что он сколько раз принимается рассказывать сие несчастное произшествие, столько раз переменяет оное, так что можно думать, что он тогда и себя не помнил: при всем том бесстыдно кажется везде, как будто приехавший с вестию о славной победе. Меры здесь взяты на первой случай те, что князю Николаю Васильевичу [Репнину] поручено главное начальство над всеми корпусами войск, бывшими под командою Игельстрома, к коим прибавлено еще от графа Салтыкова 32 000. До дальнейшего осмотра обстоятельств, ему предписано только главнейшие два предмета, 1-е чтоб собрать рассыпанные части войск наших и 2-е чтоб обеспечить пределы свои и не допустить в оных возникнуть подобному мятежу. По известиям из Венеции полученным с курьером видно, что Костюшка действует по плану, данному из Парижа от злодейского конвента, коему он и рапорт послал об успехах своих. — Еще одна новость из Неаполя, что там открыт страшный заговор, который едва не произведен в действо. Оный состоял в том, чтоб короля, королеву, всю фамилию их и министерство захватить и отправить во Францию. Изверги тамошние ужасно как действуют происками по всюду.

Ежели могу достать, то с будущею почтою сообщу вашему с-ву копии с повеления князю Репнину и пр., а здесь прилагаю посланную отсюда для опубликования в новых наших губерниях грамоту архиерейскую.

В нынешнем критическом положении дел совершенное было торжество для гр. А. А., которому поручено было составление и все распоряжение экспедиции польской. Министры, управлявшие так хорошо доселе, весьма упали, особливо

в мнении публики о их дарованиях: и от каждого внимания не сокрыто было то преимущество, какое имеет граф А. А. и те отличия, какие ему тут оказывать начали.

Заканчивая наш затянувшийся обзор переписки А. Р. Воронцова, отметим еще большое количество писем просителей различного рода и звания по всяческому нуждам; среди них немало иерархов церкви. Церковные князья в разговорах с могущественным вельможей превращаются поистине в скромных пастырей; сам же Воронцов в своих черновых ответах обычно даже не выполняет этикета, требовавшего просить «благословения» у такого рода корреспондентов.

Перейдем теперь к рассмотрению других отделов Воронцовского архива. Большинство рукописей (всего переплетов в собрании, считая переписку и хозяйственные документы, около 1400) отложилось в результате правительственной деятельности самих Воронцовых и обусловленных этой деятельностью их интересов к документам. Здесь на первом месте по количеству следует пожалуй поставить материалы дипломатического порядка. Среди них мы находим большое количество «дневных записок» Коллегии иностранных дел по годам, протоколов и других материалов по конференциям русских представителей с иностранными дворами, донесения послов и других дипломатов, специальные дела, посвященные взаимоотношениям России с различными государствами, и т. д. К этому же разделу примыкает значительное количество иностранных рукописей по политической истории отдельных западно-европейских стран и собранные по поручению А. Р. Воронцова копии дипломатической переписки Московского государства.

Довольно значительно собрание различных официальных распоряжений—сенатские указы, выписки из законов как русских, так и иностранных и т. п. Это конечно относительно менее ценная часть архива, повторяющая материал, в общем доступный и по другим источникам.

Большое число переплетов посвящено материалам военно-исторического порядка. Однако материал этот сравнительно случаен, если не считать бумаг М. С. Воронцова, относящихся к пребыванию русских войск за границей в 1813—1814 гг. и к оккупационному русскому корпусу во Франции в 1815—1818 гг., которым командовал М. С. Воронцов. Большинство документов не представляет особого интереса: это обычная штабная переписка о перемещениях войск и отдельных лиц, о наградах, продовольствии, снаряжении и т. д. Материал этот представляет занимательность только

Mr Monroe presents his compliments to the Count
 de Worontzow & has the honor to inform him that
 he has just received a letter from Mr Hall, Consul
 the United States at St. Petersburg containing a
 copy of a letter from the Chamber of the Emperor, in
 which that very respectable minister by order of
 the Emperor, informs Mr Hall in reply to his
 application on the subject, that his Imperial
 Majesty will interpose his good offices with the
 Ottoman Porte to obtain thereby the restitution of
 the Frigate & crew from the loss of which
 which by being lately unfortunately drowned on the
 coast fell into their hands. Mr Monroe will
 hasten to communicate this important informa-
 tion to his Government by whom he has well
 perceived that it will be received with the
 high consideration which is due to so signal
 a proof of the friendship of his Imperial Majesty
 for the United States. He has the honor to return
 to you in company to the Count de Worontzow his
 own compliments in the occasion, and to assure
 him of the pleasure with which he has seen the
 expression of his Government's good intentions
 in favor of the United States in this occasion.

61. St. Petersburg, Count de Worontzow, 27. 1804.

ЗАПИСКА ДЖ. МОНРОЭ
 К С. Р. ВОРОНЦОВУ ОТ 27 МАРТА
 1804 г.

Историко-археографический Институт
 Академии Наук СССР, Ленинград

благодаря разбросанным в отдельных местах документам, характеризующим настроения населения, столкновения бонапартистов с роялистами и т. п. В этом смысле представляют особый интерес относящиеся к делам оккупационного корпуса три переплета — один, озаглавленный «Sur la Prusse» (№ 1139), и два — «Sur Paris» (№№ 1153, 1154). Это агентурные донесения и сводки о политическом, военном, экономическом и т. д. положении Пруссии и Парижа. Прусский том целиком составлен полковником Ностицем, парижские донесения частью им же, частью каким-то другим лицом. Если материалы тома «Sur la Prusse» сравнительно бледны и посвящены в основном вопросам организации прусской армии, то донесения о Париже очень содержательны и рисуют жизнь Франции с самых различных сторон в течение нескольких лет.

В других отчетах мы находим дополнительный материал об обывательских разговорах, об ученых и литераторах и т. п. — в общем обычный тип русских агентурных сводок того времени, но на французском материале.

Из материалов военно-политического порядка заслуживает упоминания еще трехтомное «Описание военных действий российских войск против венгерских мятежников 1849 г.»

Важнейшим и чрезвычайно разнообразным по содержанию разделом Воронцовского архива являются экономические материалы, восходящие по преимуществу к деятельности А. Р. Воронцова. Этим темам специально посвящено свыше ста переплетов, о содержимом которых однако судить по заглавиям без исчерпывающего научного описания довольно трудно.

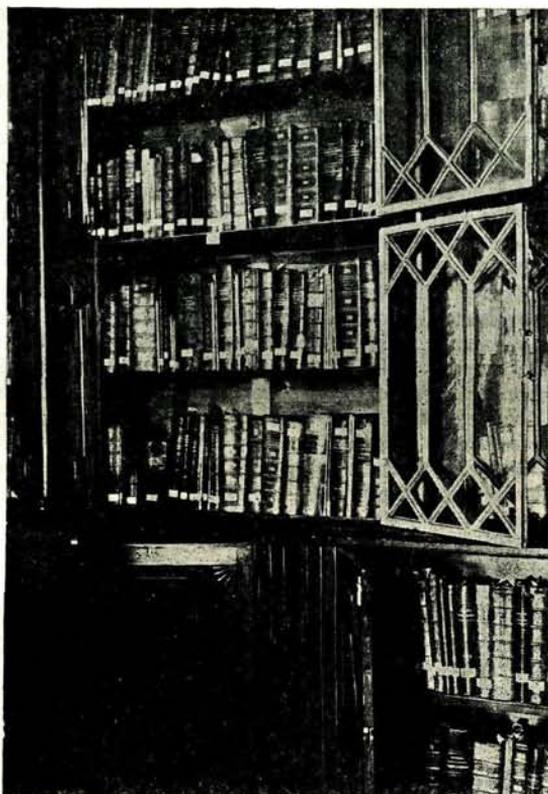
Отметим также некоторые компактные части раздела экономических материалов: в нем имеется около 50 описаний губерний, составленных преимущественно в конце 1780-х, начале 1790-х гг., имеются дела комиссии о коммерции, дела комиссии об отращении недостатка в хлебе и т. д.

В Воронцовском архиве в составе различных переплетов смешанного содержания встречаются первоклассные документы (подлинники и копии) по истории отдельных угнетенных народов царской России и колониальной политики правительства. Помимо того в собрании находим и специальные переплеты на эту тему, содержащие аналогичные официальные документы, иногда же рукописные исторические и этнографические трактаты. Так переплет № 5 содержит «Разные сведения о эунгорском народе», № 247 — «Представление о состоянии Киргизских орд», № 275 — «Краткое описание малороссийского казацкого народа», № 322 — «Исторические примечания о древностях Олонецкого края и его народах», № 340 — «Описание калмыцких народов», № 936 — «Сочинение Евг. Кемфлера о Казани, Астрахани и Грузии» и т. п. Большинство документов и сочинений относится к XVIII в. и собрано, надо полагать, А. Р. Воронцовым. Но и М. С. Воронцов, один из практических военных руководителей русской ближневосточной экспансии второй четверти XIX в., пополнил собрание рядом новых приобретений, как например «Обозрение Кокандского ханства в нынешнем его состоянии» (1841 г., пер. № 732), рукопись «Рассказа кн. Орбелиана, бывшего в плену у Шамиля в 1842 г.» и др., в том числе замечательным по графической работе, хотя и дефектным экземпляром знаменитой поэмы Шота Руставели о «носящем барсову шкуру».

Сенаторская деятельность Воронцовых и участие их в обсуждении различных законоположений является причиной наличия в архиве различных судебных дел, довольно большого количества переплетов, относящихся к работам Комиссии по составлению нового уложения в 1767 г., различных проектов, записок и т. п. Среди смешанных переплетов находим ряд томов «Материалов по внутреннему управлению», очень пестрых по своему составу. Наконец имеется некоторое количество дел (в большинстве в копиях) по государственным преступлениям XVIII в., отчасти из тайной канцелярии.

К этим же разделам относятся переплеты, заглавия которых не дают никакого представления об их содержании. Это различных объемов по большей части довольно внушительные томы, озаглавленные «Бумаги гр. А. Р. Воронцова», «Материалы для истории российской», «Бумаги гр. М. Л. Воронцова», «География и статистика» и т. п. В этих сборниках можно найти документы всякого рода — и личную переписку, и копии старых актов, и записки различных прожектеров, и официальные распоряжения. Чтобы не утомлять читателя пространном перечнем, приведем на выборку заглавия нескольких документов из переплета № 949, содержащего «Материалы для истории российской». Здесь между прочим находим упомянутое выше письмо М. Л. Воронцова к И. И. Топильскому, копию с письма Дмитрия Ростовского к стольнику и воеводе Л. Г. Воронцову, книгу посольскую о походах на службу в Царьград ко царю Магмету Салтану 7063 (1555) года,

ВНЕШНИЙ ВИД
ВОРОНЦОВСКОГО СОБРАНИЯ
В ИСТОРИКО-АРХЕОГРАФИЧЕСКОМ
ИНСТИТУТЕ АКАДЕМИИ НАУК СССР
В ЛЕНИНГРАДЕ

копию духовного завещания князя Никиты Репнина, описание посольства царя Алексея Михайловича к имперетийскому царю Александру, записку А. Р. Воронцова о шведской и турецкой войнах 1790 г., переписку А. Р. Воронцова с известным историком Миллером по вопросам русской истории (любопытно отметить, что Воронцова интересовало прошлое русской аристократии и законодательная компетенция боярской думы), экстракт о выезде из Молдавии генерал-майора князя Кантемира и показанной Кантемировою фамилиею Российской империи верности, известие о посольском приказе, что ныне государственная коллегия иностранных дел, сочиненное надворным советником Мартыном Соколовским; далее находим среди других документов копию челобитной фельдмаршала Миниха, копии «обельных грамот о заведении чугунных пушечных заводов в Повенце и Петрозаводске», записку «Удобный способ о истреблении мухаметанской секты и о пресечении французских интриг», записку «О состоянии тюрем в России в царствование императрицы Екатерины II», довольно любопытное «изъяснение ко истреблению бунтовщика и злодея Пугачева» (здесь между прочим рекомендуется поручить «истребление» Пугачева «человеку, сведущему злодейственные обряды или их намерения, к чему практику первейшим предводителем избрать надлежит; следовать к нему должно, ежели повелено будет, не инаково как в лице такового ж изменника, а удобнее и под видом сущего злодея...»), копию письма императрицы Марии к Плещеву о смерти Павла I, выписки из дела патриарха Никона и т. п. Подробное обследование этих сборных переплетов может конечно привести к обнаружению новых данных по самым разнообразным вопросам.

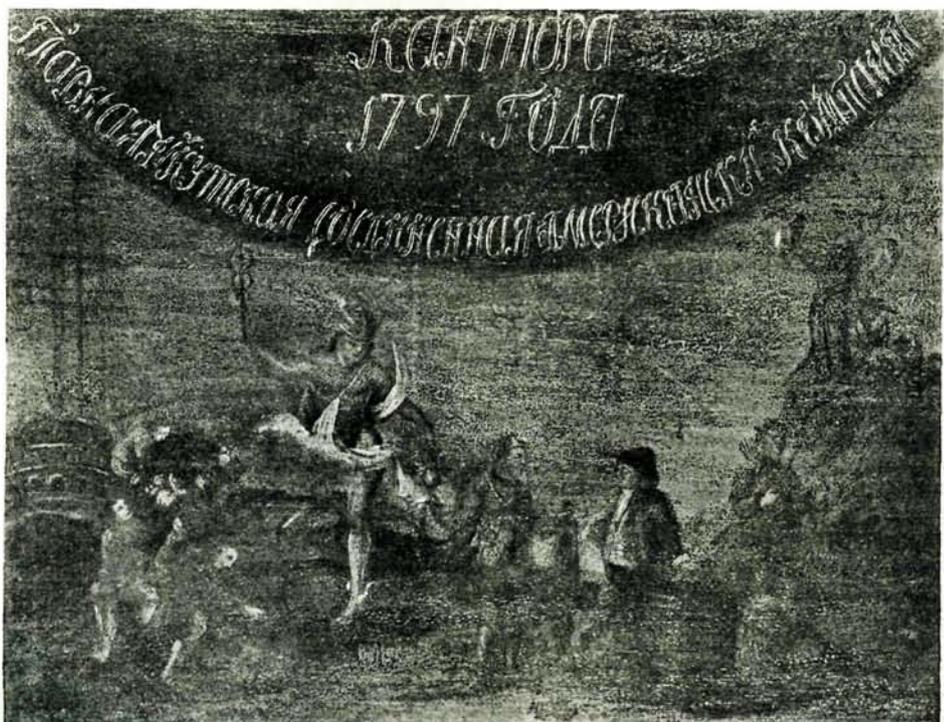
Следует отметить далее ряд материалов биографического характера об отдельных членах семейства Воронцовых: это автобиографические заметки М. Л. Воронцова, записки А. Р. Воронцова, автобиография С. Р. Воронцова, записки Е. Р. Дашковой и наконец целый ряд записных книжек М. С. Воронцова, полудневников по типу, за ряд лет. Впрочем несколько просмотренных нами книжек оказались по содержанию довольно бледными.

В архиве Воронцовых находим личные бумаги и переписку ряда деятелей XVIII в. (в подлинниках и копиях), как например царевича Алексея Петровича, А. Д. Меншикова, Г. А. Потемкина, П. В. Завадовского, Паниных, Бестужевых-Рюминых и др.

Особо нужно подчеркнуть шесть переплетов, связанных с именем А. Н. Радищева. По большей части документы этих переплетов были напечатаны в «Архиве кн. Воронцова», но известная доля их, остающаяся до сих пор неопубликованной, стала входить в научный оборот только после переезда архива в Академию Наук благодаря работам В. И. Семенникова и др. Однако помимо рукописей Радищева, помещенных в соответствующих томах архива, нам удалось обнаружить в трех переплетах сборного содержания еще пять автографов Радищева—его записок по различным экономическим вопросам. Не исключена возможность и дальнейших находок. Кроме того есть основания думать, что среди различных бумаг и проектов, писанных писарской рукою и неподписанных, могут также быть Радищевские тексты, но установление их—дело очень сложного и не дающего гарантий анализа.

Далее следует отметить наличие в архиве Воронцовых довольно большой группы старинных рукописей. Здесь мы находим и летописи, и разрядные книги, и статейные списки, и различные сборники, и т. д. Некоторые из них весьма примечательны по содержанию. Таковы например «История бунта стрелецкого», «Книга о царствии российском», «Указы государей и боярские приговоры о вотчинах», «Известие о житии Никона патриарха московского», «Древние узаконения России», «История о взятии Казани» и т. п.

Немалое число находим мы также различных художественных, исторических и прочих сочинений, оригинальных и переводных. Больше всего исторических, вроде «Достопамятных происшествий в Российской империи с Петра Великого до кончины его», «Краткой российской истории с описанием жизни Петра Великого», «Краткого описания событий во дни царствования Екатерины II», записок Екатерины II, Миниха, Шаховского, Ермолова и т. п. Значительное количество сочинений по историческим вопросам находим на иностранных языках: здесь и «Mémoires concernant le gouvernement d'Angleterre en 1687», и «Sur le gouvernement de Venise» XVIII в., и «Réflexion sur le gouvernement d'Allemagne», и многотомные мемуары маркиза де Данжо, и т. д. Среди художественных произведений находим тексты опер, комедии, повести, русские оригинальные, переводные и на иностранных

ВЫВЕСКА „КОНТОРЫ ГЛАВНОЙ ИРКУТСКОЙ СОЕДИНЕННОЙ АМЕРИКАНСКОЙ КОМПАНИИ“ (1797 г.)

Историко-Бытовой отдел Русского Музея, Ленинград

языках. Некоторые из них являются списками с печатных текстов, но для большинства требуются еще дополнительные библиографические разыскания. Особенно примечательных русских сборников нам не попадалось, но зато среди иностранных имеются любопытные. Таков например сборник «Mélange pour servir de mémoires à l'histoire et à la vie des gens de lettres», где находим биографии Лафонтена, Прадона, «Histoire satirique de la Ligue» и др. Любопытен также сборник эпиграмм и памфлетов на французский двор и правительство, датированный довольно характерно «A Paris chez Jean Satyre, rue des mauvaises pensées à la Sottise» и открывающийся собранием «Les faits mémorables de Louis quatorze à qui il fut donné en naissant le nom de Dieudonné et que la colère céleste accorda par vengeance à nos désirs ardents».

Закончим наш затянувшийся обзор указанием на приличествующий каждому большому архивному собранию отдел «смеси». Сюда мы включаем такие рукописи, как «Стихи и речи на разных языках при бывших философических состязаниях в присутствии его сиятельства высокопревосходительнейшего господина действительного тайного советника, сенатора, действительного камергера, государственной Коммерц-коллегии президента, комиссии о коммерции члена и разных орденов кавалера графа Александра Романовича Воронцова в Архангельской семинарии говоренные и во свидетельство всеискреннейшия благодарности посвященные 1786-го года февраля 28 дня» или такие, как «Описание замечательных зданий в Риме», «Chevaux» или «Полный список андреевским кавалерам 1699—1821 гг.».

Наш обзор, чрезвычайно беглый, не мог конечно исчерпать ни одной из поставленных тем. Нашей задачей было показать (и надеемся, что приведенные иллюстрации помогли этому) историко-культурное значение самого архива и ценность содержащихся в нем материалов по социальной, экономической и культурно-бытовой истории XVIII в. Архив еще ждет своего описателя и исследователя хранящихся в нем материалов. Последние, за исключением того, что вошло в «Архив кн. Воронцова» и в несколько случайных публикаций, оставались под спудом достаточно долгое время. Лишь последние годы, с переходом основной массы архива в Историко-Археографический Институт Академии Наук СССР, началась широкая разработка материалов и подготовка их к печати. Документы Воронцовского архива вошли в два подготовленных Институтом тома по экономической истории второй половины XVIII в. и широко привлекаются в работах Института по истории колониальной политики царизма и угнетенных народов России. Но для того, чтобы исчерпать важнейшие фонды архива, понадобится еще работа многих лет и многих исследователей.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ «Арх. Маркса и Энгельса», т. I, стр. 376.

² «Арх. кн. Воронцова», т. IV, стр. 179.

³ Там же, т. XII, стр. 407.

⁴ Там же, т. XIII, стр. 481—482.

⁵ В последнее время своего пребывания в частных руках архив, можно думать, не вызывал интереса со стороны владельцев, и хранение его имело весьма кустарный характер. Это видно по расстановке и нумерации томов, сохранившейся до сего времени. В какой-то момент (может быть при переноске из одного помещения в другое) переплеты были расставлены кое-как, без всякой системы, и перенумерованы таким образом, что одно и то же рукописное сочинение или тематически объединенное собрание бумаг в нескольких томах могло разрозниться на отдельные переплеты, при чем какой-нибудь, например пятый, том получал номер меньше первого и т. п. Эта небрежность могла отразиться и на сохранности документов, хотя беглое сопоставление нынешней инвентарной описи (подробного описания архива к сожалению не имеется до сих пор) с описаниями, составленными еще у Воронцовых, говорит о том, что в общем архив сохранился довольно полно.

⁶ Известно, с какой внимательностью анализировал Маркс русскую дипломатическую переписку XVIII в. «По просмотре находящихся в Британском музее дипломатических бумаг» Маркс «нашел ряд английских документов, которые тянутся от эпохи Петра Великого до конца XVIII столетия и свидетельствуют о постоянном тайном сотрудничестве между лондонским и петербургским кабинетами, при чем колыбелью этого сотрудничества является как раз эпоха Петра Великого». Маркс сам опубликовал письма английских представителей при петербургском дворе XVIII в., сопроводив их убийственно саркастической характеристикой. В письме

к Энгельсу от 29 февраля 1856 г. Маркс следующим образом сообщал о своей находке: «В музее я нашел пять томов *in folio* рукописей о России (только о XVIII веке) и сделал из них выписки. Они составляют часть наследства архидьякона Кокса, известного своим коллекционерством. Они содержат много оригинальных писем (до сих пор не напечатанных) английских посланников в Петербурге к здешнему кабинету, из которых некоторые действительно весьма компрометирующего характера. Между прочим среди них имеется рукопись 1768 г., принадлежащая одному из польских атташе, о «характере русского народа». Я тебе пошлю выписки из него. Также есть интересный доклад о русских «артелях», написанный двоюродным братом Питта, капелланом посольства» (Сочинения, т. XXII, стр. 121).